

ЯЗЫК КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Я.Ю. Новикова

Не вызывает сомнений тот факт, что язык представляет собой систему знаков. В то же время открыт для дискуссии вопрос о том, является ли язык одновременно и социальным явлением, а если да, то каким должно быть содержательное наполнение этого тезиса. С одной стороны, утверждение «Язык — это социальное явление» воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Так, по мнению А.А. Леонтьева, «сейчас нет ученых — мы имеем в виду не только лингвистов, но и других специалистов, занимающихся языком, например философов, психологов, этнографов, — которые отрицали бы социальный характер языка, не называли бы язык социальным явлением» [7, с. 299]. Но, с другой стороны, что дает нам основание утверждать это? Что именно делает язык социальным явлением? В настоящей статье мы попытаемся прояснить эту проблему и предложить некоторые возможные пути ее решения.

Чтобы дать обоснованный ответ на поставленный вопрос, представляется оправданным начать с рассмотрения имеющихся определений «социального», социальности как таковой, социального явления и критериев социальности, с целью выяснить соответствует ли язык этим критериям. Философский словарь дает следующее определение социального: «Социальное (от лат. *socialis* — общий, общественный) — название всего межчеловеческого, т. е. всего того, что связано с совместной жизнью людей, с различными формами их общения, в первую очередь того, что относится к обществу и общности, что имеет обще-

ственный и общностный характер» (Философский энциклопедический словарь. — Москва: Инфа-М, 2005. — С. 430.).

В.И. Даль определял социальность как «общественность, общежительность, гражданственность, взаимные отношения и обязанности гражданского быта, жизни» (Толковый словарь живого великорусского языка. Составитель Владимир Иванович Даль. — Том IV. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. — С. 284.). Таким образом, социальное явление обычно определяется как нечто созданное обществом и, таким образом, зависимое от него [10, с. 419].

Однако имеется и прямо противоположный подход к пониманию социального явления французского социолога Э. Дюркгейма, который, с нашей точки зрения, представляет значительный интерес. Дюркгейм определяет социальный факт (или общественное явление) как «всякий образ действий, резко определенный или нет, но способный оказывать на индивида внешнее принуждение, или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, но имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [6, с. 271]. Следовательно, основными характерными свойствами социального явления, или, другими словами, критериями социальности, являются принудительность и независимость от индивидуальных сознаний.

В качестве доказательства существования принуждения, оказываемого на субъекта общественным явлением, Дюркгейм приводит тот факт, что оно проявляется тотчас же, как только субъект пытается оказать ему какое-либо сопротивление. Примером в данной связи могут служить моральные и правовые нормы, принятые в определенном обществе. Важно отметить также, что распространенность или даже всеобщность не является характерным признаком социального явления: «Оно всеобще лишь потому, что социально (т. е. более или менее обязательно), а отнюдь не социально, потому что всеобще» [6, с. 269].

Объективность же общественного явления становится очевидной, если рассмотреть в качестве примера любую систему знаков, которая существует независимо от конкретных случаев ее употребления. Условием всякой объективности, согласно Дюркгейму, является «существование постоянной и неизменной точки опоры, к которой могло бы быть отнесено представление и которая давала бы возможность исключить из него все изменчивое, т. е. субъективное» [6, с. 264]. Принимая принудительность в качестве одного из критериев социальности, мы, кажется, вполне имеем основание утверждать, что язык является со-

циальным явлением. Принудительность его воздействия на субъекта представляется очевидной: человек может, конечно, предпринять попытку отказаться от использования языка, продолжая жить в обществе, но он немедленно столкнется с рядом трудностей, испытывая, таким образом, сопротивление со стороны языка.

Однако, что касается второго критерия, предложенного Дюркгеймом, а именно — объективности, то соответствие ему языка не столь очевидно. Действительно, объективное, автономное существование языка вне индивидуальных сознаний, вне его носителей, или, другими словами, подлинное бытие языка все еще является спорным. На этот счет существует ряд мнений, порой прямо противоположных, начиная с крайней позиции А. Шлейхера, утверждающего, что «языки — есть организмы, независимо от воли людей возникающие, развивающиеся и отмирающие», и языкознание, таким образом, является естественной наукой (см.: [10, с. 417]) и заканчивая немецким языковедом-теоретиком Францем Финком, последователем В. Фон Гумбольдта, по мнению которого, «речь есть деятельность группы индивидуумов; и эта деятельность — продукт сознания говорящих; поэтому языки следует изучать не как вещи, а как деятельности, которые выражают дух народов; современная психология, которая не признает никакой реальности за представлениями, показывает, что это иллюзия — изучать языки как реальности» (цит. по: [9, с. 10]). Эпиграфом к публикации Финка служит цитата Гумбольдта: «Духовная самобытность и языковой образ народа так сильно сплелись друг с другом, что, если присутствует одно, то из него непременно может быть выведено и другое», что делает его влияние очевидным (цит. по: [5, с. 192]).

Если Гумбольдт подчеркивает связь духовной самобытности определенного народа и его языка, то его последователи, в частности Ф. Финк, идут дальше, утверждая, что духовная самобытность формируется под влиянием языка: «Почти все, что говорят люди, является выражением их представлений и понятий, образующихся с помощью языка» (цит. по: [5, с. 192]). Показательной в данной связи является так называемая гипотеза языковой относительности (гипотеза Сепира—Уорфа), также последователей Гумбольдта, суть которой состоит в идее, что язык первичен, а мышление, формирующееся под его влиянием, следовательно, вторично. По мнению Эдварда Сепира «Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или иные явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» (цит. по: [12, с. 1]). Задача исследования Бенджамена Л. Уорфа состоит в «выяснении ко-

свенного влияния грамматических категорий языка на поведение людей» [12, с. 4].

Адекватной представляется позиция французского лингвиста Антуана Мейе, одного из предшественников современной социолингвистики. По мнению Мейе, «если реальность языка не субстанциональна, то она все же существует. Эта реальность — одновременно лингвистическая и социальная. Она лингвистическая, ибо язык представляет сложную систему средств выражения... в которой индивидуальное новообразование только с трудом может найти себе место... С другой стороны, она — социальна, потому что язык принадлежит определенной совокупности говорящих, потому что он является средством общения между членами одной группы и потому, что изменение его не зависит ни от одного из членов группы» (цит. по: [9, с. 11]). Таким образом, Мейе приходит к выводу, что язык все же объективен, так как «существует независимо от каждого индивидуума, который на нем говорит, и, хотя он не имеет никакой реальности вне суммы этих индивидуумов, он, однако, по своей общности, вне каждого из них; на это указывает то, что ни от кого из них не зависит изменение его» (цит. по: [9, с. 11]).

Один из учеников Мейе, французский лингвист Эмиль Бенвенист, также делающий акцент на социальном характере языка, говорит, однако, не об объективности, а о субъективности в языке. По мнению Бенвениста, язык вообще нельзя рассматривать вне человека: говорить о языке как об орудии — значит противопоставлять человека природе. Язык в природе человека, он необходимо принадлежит самому определению человека, как его атрибут [2, с. 293]. Бенвенист также обращает внимание на то, что следует «проводить различие между языком как совокупностью знаков и системой их комбинаций, с одной стороны, и, с другой стороны, языком как деятельностью, проявляющейся в единовременных актах речи» [3, с. 291]. Речь же есть «актуализация языка» [2, с. 293] и функция обмена принадлежит речи, а не языку, но основание этого свойства речи — в языке — в его субъективности. Субъективность по Бенвенисту, это — «способность говорящего представлять себя в качестве „субъекта“. Она определяется как психическое единство, трансцендентное по отношению к совокупности полученного опыта, объединяемого этим единством, и обеспечивающее постоянство сознания» [2, с. 293-294].

Субъективность заложена в самом процессе использования языка, о чем свидетельствует особый класс слов, которые Ю.С. Степанов называет «эгоцентрическими». Этот класс слов образует новую парадигму

гму в изучении языка: прагматическую [11, с. 216]. Прагматика, будучи одной из семиотических наук наряду с семантикой и синтактикой, исследует отношения между знаком, в качестве которого может выступать определенная языковая система, и субъектом, который употребляет данный знак, и учитывает, таким образом, психологические, биологические и социологические явления, сопряженные с использованием того или иного знака [8, с. 71].

Философия эгоцентрических слов, как выражение прагматического подхода к языку, изучает класс слов, содержащих в себе координату «я», которая является основой для дальнейшего изучения более широкого и важного понятия — понятия субъекта. Главное свойство координаты «я» состоит в «присвоении» себе языка в момент речи. Также в класс эгоцентрических слов входят и другие слова, ориентированные на «я», то есть значение которых становится понятным, только когда они указывают на «я» говорящего. Среди них также такие слова как: здесь, сейчас, это, ты, мы [11, с. 216]. Выражаясь словами Бенвениста: «Акт речи в каждый данный момент является производной от всех координат, определяющих субъект» [2, с. 297]. Личные местоимения представляют особый интерес, так как не соотносятся ни с понятием, ни с индивидом, то есть не имеют постоянного референта, а соотносятся с актом индивидуальной речи, в которой они произносятся. «Определение личных местоимений как раз исключает понятие „лицо“. „Я“ не имеет единого класса референции. Каждое „я“ соответствует каждый раз единственному индивиду. Реальность, с которой соотносится „я“ или „ты“ — это исключительно „реальность речи“. Я — это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы „я“. Ты — это индивид, к которому обращаются в данном речевом акте, содержащем акт производства языковой формы „ты“. Задача этих форм — коммуникация на межсубъективном уровне. Это „пустые“ знаки, свободные от референтной соотнесенности с „реальностью“, всегда готовые к новому употреблению и становятся „полными“, когда говорящий принимает их на себя, вводя в протекающий акт речи. Они служат для обращения языка в речь. Каждый говорящий поочередно становится субъектом» [3, с. 288]. Тот есть «ego», кто говорит «ego» (мое Я). Осознание себя возможно только в противопоставлении: «„Ego“ занимает трансцендентное положение по отношению к „ты“, но ни один из терминов не мыслим без другого, то есть это отношения взаимодополнительности и взаимообратимости. Бесполезно искать параллель этим отношениям: ее не существует. Положение человека в языке неповторимо» [2, с. 294]. В

единстве этих двух терминов и заключается языковое основание субъективности, другими словами единство «я» и «ближнего» и образует «общество».

Из выше сказанного следует, что в данной связи речь стоит вести скорее об интерсубъективности, так как язык, как любая знаковая система, предполагает наличие как минимум двух субъектов: использующего знак и его интерпретатора.

Интерсубъективный — (от лат. *inter* — между) — межличностный, общий, общедоступный, в противоположность личному, индивидуальному, уникальному. Проблема интерсубъективности впервые разрабатывается Гуссерлем в его «Пятой картезианской медитации». Это проблема взаимоотношения трансцендентального субъекта, «моего Я», с «другими Я». Используя метод феноменологической рефлексии, Гуссерль пытается обосновать существование «другого Я», без которого вся его феноменологическая теория рискует оказаться несостоятельной, так как она должна быть действительна для всех, а не только для «моего Я». По Гуссерлю «чистая интерсубъективность последовательно проявляет себя как единство в феноменологически чистом опыте, проявляет как действительность и возможность» [4, с. 316].

Проблема интерсубъективности поднимается также в философии экзистенциализма, в частности у Ж.-П. Сартра, как проблема объективного существования других субъектов вне индивидуального сознания и взаимоотношений между ними.

Что касается непосредственно интерсубъективности языка, данная проблема затрагивалась такими представителями аналитической философии, или логического позитивизма, как Рассел, Карнап и Куайн в их попытках создать универсальный язык науки на основе математической логики, заменяя теоретические положения логическими конструкциями. Интерсубъективность такого нового языка является необходимым условием для возможности коммуникации, так как идеи и положения, фиксируемые этим языком, должны восприниматься каждым субъектом одинаково адекватно, иначе существование науки как таковой не будет иметь смысл.

То же требование, то есть наличие интерсубъективности в качестве необходимого условия, представляется актуальным не только для языка науки, но и для языка вообще. Бенвенист называет интерсубъективность «двусторонней субъективностью, которая только и делает возможной языковую коммуникацию» [2, с. 300].

Обосновав, таким образом, принадлежность языка к социальным фактам, остается только обратить внимание на уникальный статус его

среди других общественных явлений. Как заметил Б.А. Серебренников: «Наиболее примечательная особенность языка, сближающая его с другими общественными явлениями и в то же время коренным образом отличающая его от них, состоит в том, что язык обслуживает общество абсолютно во всех сферах человеческой деятельности. По этой причине язык не может быть отождествлен ни с одним из других общественных явлений» [10, с. 419]. Мы полностью разделяем эту точку зрения. Такое общественное явление как, например, культура, служит для формирования у людей определенных взглядов на мир и соответствующих моделей поведения. Машины, в свою очередь, облегчают труд человека, делая его жизнь комфортней. Однако ни то, ни другое не было бы возможным без языка и, в частности, такой его неотъемлемой характеристики как intersubjectивность, что и обуславливает важность дальнейшего изучения этого феномена в рамках исследования социо-культурных аспектов прагматического измерения функционирования языковых систем.

1 Литература

- [1] *Бенвенист Э.* Аналитическая философия и язык // Бенвенист Э. *Общая лингвистика.* — М.: Прогресс, 1974. — С. 301-311.
- [2] *Бенвенист Э.* О субъективности в языке // Бенвенист Э. *Общая лингвистика.* — М.: Прогресс, 1974. — С. 292-301.
- [3] *Бенвенист Э.* Природа местоимений // Бенвенист Э. *Общая лингвистика.* — М.: Прогресс, 1974. — С. 285-292.
- [4] *Гуссерль Э.* Картезианские медитации // *Избранные работы.* — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. — С. 377-443.
- [5] *Демьяненко М.А.* Концепция языка Франца Николауса Финка (1867–1910). — *Вестник СамГУ:* 2006 № 5/1 (45). — С. 191-197.
- [6] *Дюркгейм Э.* Метод социологии // *Западно-европейская социология XIX – начала XX веков.* — М., 1996. — С. 256-309.
- [7] *Леонтьев А.А.* Язык как социальное явление (К определению объекта языкознания) // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.* — Т. 35. Вып. 4. — М., 1976. — С. 299-307.

- [8] *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. — М., 2002. — С. 45-97.
- [9] *Петерсон М.Н.* Язык как социальное явление // Ученые записки института языка и литературы РАНИОН (Лингв. секция). — 1927. — № 1. — С. 5-21.
- [10] *Серебренников Б.А.* Язык как общественное явление // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. — М., 1970. — С. 417-450.
- [11] *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка // Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М.: Наука, 1985. — С. 224-236.
- [12] *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. № I. — М., 1999. — С. 58-92.

Надійшла до редакції 20 квітня 2010 р.